

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.043
УДК 811.511.131'373.215(282.247.415.4)+
+ 81'373.6 + 81:39

М. В. Боброва*
Р. В. Гайдамашко**

*Институт лингвистических исследований
РАН

Санкт-Петербург, Россия

**Институт лингвистических исследований
РАН

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

Институт системного программирования

им. В. П. Иванникова РАН

Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТОПОНИМЕ: О СЕМАНТИКЕ БЕЛОГО В УДМУРТСКИХ ИМЕНОВАНИЯХ КАМЫ

Рец. на кн.: *Кельмаков В. К.* Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках) : препринт / В. К. Кельмаков. — Ижевск : Удмуртский университет, 2019. — 104 с.

В рецензии рассматривается монография В. К. Кельмакова «Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках)». В основной части исследования даны географические сведения о реке Кама, представлены этимологические теории происхождения имени собственного, изучена специфика функционирования лексемы *кам* (наиболее вероятного этимона) в древнейшем значении '(большая) река' в топонимии, констатируется сохранение этой семантики в различных устных и письменных источниках. Подробнее автором рассмотрены особенности употребления шести

© Боброва М. В., Гайдамашко Р. В., 2022

вариантов именовании р. Кама в удмуртских текстах разных функциональных сфер: *Кам (Кама), Кам (Кама) шур, Тӧдды Кам (Кама)*. С опорой на исторические и количественные данные, лингвистические и функционально-стилистические особенности онимических вариантов В. К. Кельмаковым сделан вывод о том, что следует различать два смысловых плана в наименовании «Белая Кама» в произведениях удмуртов: 1) ретроспективный, в соответствии с которым название привязано к географическому объекту р. Белая — историческому месту проживания предков удмуртов; в этом случае компонент *кам* выступает в исконном значении ‘поток, река’, компонент *Тӧдды* ‘Белый’ — в качестве имени собственного; 2) современный, в соответствии с которым «Белая» — поэтический эпитет реки Кама. Исследование выполнено с привлечением объемного фольклорного и значительного сравнительного материала, в том числе на русском и немецком языках. Вместе с тем возникают замечания, касающиеся стиля изложения, структурирования текста, неоднозначности цели исследователя, а также того, что автором не учтена возможность корреляции понятий «белый» — «чистый» — «священный (святой)». Тем не менее на обширной доказательной базе автором получены значимые результаты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: удмуртский язык; топонимия; фольклористика; этимология; лингвокультурология; река Кама

Неутихающий интерес к ономастике привел к появлению значительного количества работ, связанных с вопросами сбора, систематизации, этимологизации имен собственных. При этом особую актуальность приобретают исследования, которые выполняются на ономастическом материале коренных народов России и в которых решаются нетривиальные задачи. К их числу относится монография В. К. Кельмакова «Белая Кама впрямь ли белая?», вышедшая в свет в 2019 г. в Удмуртском государственном университете. Исследование выполнено на стыке лингвистики и фольклористики, с привлечением данных из истории удмуртов. Монографическое издание представляет собой своего рода «развернутую» научную статью, что не лишает его значительного интереса и больших достоинств.

Вызывает уважение то, с какой скрупулезностью автор подошел к поиску материала, впечатляет объем проделанной работы по сбору и сопоставлению данных, стремление предельно полно охватить доступные источники не только на удмуртском, но и на иных языках. В итоге выявлено и проанализировано значительное количество народных и авторских произведений, переводов, максимально полно цитируемых В. К. Кельмаковым. Может даже показаться, что материалы приводятся чрезмерно полно и целесообразнее было бы ограничиться цитатами, которые непосредственно связаны с целью исследования, однако автором была поставлена попутная задача дать представление об истории развития удмуртского языка, графики, орфографии, пунктуации: «в книге обильно представлены <...> пространственные цитаты <...> с той целью, чтобы современный читатель хотя бы по подобным изданиям мог получить определенное представление о графо-орфографических и языковых особенностях мало- или совершенно не доступных ранних (и некоторых поздних) памятников удмуртской письменности» (с. 6).

Книга включает вступительную часть и 16 разделов.

Во вступительной части (с. 5–6) В. К. Кельмаковым очерчено направление изучения ономастических данных («работа посвящена <...> не столько этимологии ее названий [Камы] в удмуртском языке <...>, сколько поэтическому образу ее, запечатленному в историко-филологических документах, составленных на удмуртском языке или на русском, но посвященных удмуртам, их этнографии, духовной культуре и языку» — с. 5) и обозначена группа наименований, ставших предметом изучения (*Кам*, *Тöлы Кам* ~ *Тöды Кам* и др.). Особенно подробно изложены принятые автором принципы работы с иллюстративными материалами.

В основной части работы прежде всего обосновано обращение к наименованиям р. Кама. Исследовательская часть предварена географическими сведениями об объекте, название которого послужило предметом изучения, а также первыми упоминаниями о нем в русских летописях (с. 8–9). Затем автором представлена одна из «народных» (писательских) этимологий гидронима *Кама* и приведены примеры некоторых других лженаучных этимологических идей (с. 9–12), после чего (с опорой на обобщающую работу Л. Е. Кирилловой «Река Кама в трудах исследователей» [Кириллова, 2006]¹) кратко изложены основные научные версии о происхождении гидронима (с. 12–19). Гипотезы сопровождаются обоснованными контраргументами. Наиболее достоверным автор видит возведение гидронима *Кама* к нарицательному слову — устаревшему удмуртскому апеллятиву *кам* ‘река, поток; большая вода’. На с. 19–20 приводятся мнения других исследователей и самого В. К. Кельмакова о возможной связи этого апеллятива с финно-угорской, индоевропейской и древнетюркской лексикой и топонимией.

На с. 20–31 констатируется сохранение древней семантики удмуртского слова *кам* ‘(большая) река’ в различных устных и письменных источниках: по данным словарей (Ф. Видеманна, Ю. Вихмана, Г. Е. Верещагина, Б. Мункачи и др.), в ранних и поздних переводных профессиональных текстах, в авторских и фольклорных произведениях (повести А. Денисова «Мынам пленись пегземе»), образцах фольклора, записанных Ю. Вихманном, Б. Гавриловым, Б. Мункачи).

На с. 31–43 автор рассматривает особенности употребления шести синонимичных вариантов именования р. Кама — *Кам* (*Кама*), *Кам* (*Кама*) *шур*, *Тöды Кам* (*Кама*) — в удмуртских текстах различных функциональных сфер (преимущественно в авторских прозаических и поэтических произведениях удмуртских писателей Т. А. Архипова, Ф. И. Васильева, Ф. Г. Кедрова, А. Е. Комарова, М. А. Коновалова, М. А. Лямина, А. А. Перевозчикова, Е. В. Самсонова и мн. др., но также и в народной поэзии — в песнях и частушках).

На с. 43–45 говорится о стилистической нетождественности наименований с компонентами *Кам* и *Кама*: о народно-поэтическом характере первых

¹ Дополненная и расширенная версия этой статьи в качестве раздела включена в монографию [Кириллова, 2020, 15–19].

и книжности вторых. С опорой на исторические данные и фольклорные тексты (с. 46–62) В. К. Кельмаков приходит к выводу об омонимии в устном творчестве удмуртов: за названными именовании — в зависимости от места и времени фиксации — могут скрываться три реки: Кама, Белая и Вятка (например, «казанские удмурты в настоящее время называют *Кам* реку Вятку — самую большую реку, протекающую поблизости к ним» — с. 51), при этом в некоторых записях фольклорных текстов сочетанием *тöдды кам* (где *тöдды* — непостоянное, нефразеологизированное определение) обозначаются разные реки на территории Удмуртии или прозрачные (белые, светлые) реки вообще. Здесь же В. К. Кельмаков, развивая мысль М. Г. Атаманова [1988, 139–140], заключает, что названия р. Белая — башк. *Агизел* и тат. *Агидел* (букв. «Белая река») — были калькированы с древнеудмуртского оригинала (ср. удм. *Тöдды Кам* букв. «Белый Кам»), а через башкирское посредство название этой реки — *Ош Виче* — проникло и в марийский язык (с. 46–47).

На с. 62–77 на большом количестве примеров автор показывает, что варианты обсуждаемого гидронима в песенном творчестве южных удмуртов гораздо чаще встречаются в частушках, нежели в обрядовой (и даже лирической) поэзии. На основе сделанных наблюдений поставлен вопрос, ответ на который автором пока не найден, — о прямой зависимости между частотностью конкретного наименования и жанром фольклорного произведения на южных территориях Удмуртии: «...частотность употребления гидронима *Кам* и производных от него существенно отличается в четырехстрочных песнях казанских удмуртов и южноудмуртских частушках (достаточно высокая), с одной стороны, и в песнях — особенно в обрядовых, нечастушечного происхождения, — записанных также в южных районах Удмуртской Республики (весьма низкая), — с другой» (с. 77)².

Наконец, рассуждения на с. 77–81 и 81–83 касаются вопроса функционирования лексемы *кам* в современном удмуртском языке (на примере данных литературного языка и произведений удмуртских писателей). В частности, автором приведен целый ряд сложных удмуртских слов, включающих этот компонент, например *камдурбадьпу* букв. «ива с камского берега» ‘краснотал’, *камкочо* букв. «камская сорока» ‘чайка сизая’, *камкурег* букв. «камская курица» ‘чайка, перепелка, куропатка’, *камтиту* букв. «камская осина» ‘осокорь, черный тополь’, *камчабак* ‘подлещик’ и др. (с. 80), в связи с чем оспаривается следующее замечание В. И. Лыткина: «объяснение происхождения названия *Кама* от удм. *кам*

² Позволим себе предположить, что ответ на поставленный вопрос может крыться в специфике функционирования топонимии в фольклоре. Так, онимия в обрядовых формах обычно тяготеет к конкретизации, характеризуется «точечностью», что не исключает использования при этом мифопоэтонимов (ср. принцип «фокусировки» в заговорах, которому может отвечать наименование *Кам* — *Большая река*), в то время как в жанрах типа частушек, в узлокальных песнях — наоборот, к символизации, обобщенности имени, создающему образ «своего» либо «чужого» локуса. Впрочем, это лишь гипотеза, нуждающаяся в доказательстве или в опровержении.

‘река’ <...> нас не удовлетворяет, так как это слово в удмуртском языке является изолированным, не образующим гнезда» [Лыткин, 1971, 256] (с. 81).

В результате анализа исторических и количественных данных, лингвистических и функционально-стилистических особенностей онимических вариантов на с. 83–84 делается вывод о том, что в произведениях удмуртов следует различать два смысловых плана в наименовании «Белая Кама»:

1) ретроспективный, в соответствии с которым название привязано к географическому объекту р. Белая — историческому месту проживания древних пермян и предков удмуртов; в этом случае компонент *кам* выступает в исконном значении ‘(большая) река’, компонент *Тӧдды* — в качестве имени собственного;

2) современный, в соответствии с которым «Белая» — поэтический эпитет р. Кама (и добавим: либо реки Белая или Вятка — в соответствии с изложенными ранее наблюдениями автора), в бассейне которой удмурты проживают в настоящее время.

В последних разделах монографии даны некоторые сведения о специфике графики и орфографии удмуртского языка в разных источниках (с. 85–89), представлен список условных сокращений (с. 90) и список использованной литературы (с. 91–101).

Важность проведенного исследования и вызываемый им интерес безусловны. Вместе с тем по мере прочтения возникают и некоторые замечания.

Вероятно, поиск лингвистом методологических подходов к несобственно лингвистическому материалу предопределил некоторую «нестандартность» конечного продукта. Непривычным, в частности, видится такой способ структурирования текста, при котором отсутствуют краткие заголовки отдельных пунктов, что вступает в некоторое противоречие с предельной четкостью построения текста в целом, с логикой разбиения его на разделы, несколько затрудняет формирование общего взгляда на данный труд. В то же время принцип наименования пунктов по первым словам первого абзаца роднит монографию В. К. Кельмакова с поэтическими текстами «без названия», создает своего рода аллюзию к специфичному исследовательскому материалу — народным поэтическим произведениям. Вследствие этого не вызывает удивления нетипичная для научных работ экспрессивность речи исследователя (характерная, впрочем, для слога В. К. Кельмакова), ср., например: «...это ничего, что от личного имени **древнеудмуртской** девушки произошло не **удмуртское** же название реки — *Кам*, а относительно поздняя русская метаморфоза ее — *Кама?*» (с. 11).

Впечатляет гневная отповедь удмуртским поэтам и прозаикам, безоглядно порождающим «свежие» народные этимологии отдельных апеллятивов и онимов. Мы, однако, не были бы столь строги к деятелям искусства. На наш взгляд, в художественных произведениях, не претендующих на статус исторических документов или лингвистических теорий, допустимы, так сказать, «поэтические отклонения от научной линии», которые вместе с тем не следует путать

с навязываемыми обывателям псевдонаучными изысканиями (ср. приведенные в качестве примера на с. 11–12 попытки прозаика В. Г. Широбокова связать оным *Кама* с предками удмуртов, поэта А. Клабукова — втянуть русское слово *няня* в пространство удмуртского языка, с одной стороны, и лженаучные построения сатирика М. Задорнова, на которые ссылается В. К. Кельмаков, — с другой). Более того, толкования авторов представляют особый интерес, поскольку транслируют исторически сложившиеся модели «ложной этимологизации», которые известны по регулярно фиксируемым топонимическим преданиям и естественным образом пересекаются с научными принципами интерпретации слов с точки зрения их происхождения.

Автор книги поставил перед собой «скромную задачу: проследить, какое отражение получили различные варианты этого гидронима [Кама] в определенной части переводной клерикальной литературы и в некоторых удмуртских фольклорных (прежде всего песенных) творениях и произведениях удмуртских писателей и поэтов и иного характера текстах середины XIX — начала XXI столетия» (с. 9). Следует признать, однако, что здесь обозначен скорее материал для изучения, в то время как основная исследовательская задача нашла отражение в заголовке: определить, какая именно реалья (денотат) скрывается за наиболее частотными именованьями реки Камы в фольклорных и художественных произведениях удмуртов. Все время читатель вынужден помнить о существовании у автора цели и «сверхцели». Впрочем, не только читатель. Так, в русле проблематики, задаваемой именно заголовком, обзор удмуртских текстов, в которых упоминается *Кам* (*Кама*), предваряется справкой о научных гипотезах происхождения наименования р. Кама, хотя, ориентируясь на главную задачу исследования, В. К. Кельмаков утверждает, что «этимология слов не является основной целью <...> исследования по данной теме» (с. 19).

Остановимся подробнее на этимологическом разделе, поскольку данный фрагмент представляется крайне значимым, даже принципиальным, с учетом «сверхцели» монографии.

Прежде всего автор указывает версии, очень близкие по своему характеру к «народным этимологиям» в силу «точечности», узости семантики слов, к которым возводится название столь крупного объекта, как р. Кама: связывающие его со слав. *камы* ‘камень’, *кам* ‘лодка’, с удмуртским наречием *кема* ‘долго’, с коми этнонимом *коми*, восходящим к более древней лексеме с семантикой ‘человек’ и предшествующим слову *комму* ‘земля коми’. Такие гипотезы совершенно не выдерживают критики с учетом исторических миграционных процессов, языковых фонетических закономерностей, логики как таковой, и лишь историческая справедливость требует их упоминания.

Более достоверной (и мы в этом согласны с автором) представляется гипотеза, связывающая гидроним *Кама* с хантыйским словом *кам* ‘прозрачный’, ‘чистый’, ‘без примеси’. С одной стороны, нельзя не поддержать мнение В. К. Кельмакова,

что актуализация таких признаков для данного гидрообъекта более чем сомнительна в силу равнинного характера его течения — преимущественно по песчаным и глинистым почвам, вследствие чего вода в реке имеет выраженный коричневатый оттенок. С другой стороны, небезосновательно вспомнить о свойственной многим языкам и культурам соотнесенности понятий «прозрачный» — «чистый» — «белый» — «священный (святой)». Полагаем, это давало бы основания для того, чтобы несколько подробнее остановиться на данной версии в связи со «сверхцелью» — прояснением «степени белизны» *Тöдды Кам* — и помогло бы обосновать возможность перехода в удмуртской культуре от «большой реки Белая» к «белой (святой) Каме».

Однако наиболее достоверной (в этом мы, безусловно, согласимся с В. К. Кельмаковым) представляется связь гидронима *Кам* (*Кама*) с неким древним словом со значением ‘вода’, ‘поток’, ‘река’ (такого же мнения придерживается и Л. Е. Кириллова [2020, 17–19]), которое в удмуртском языке, вероятно, приобрело более конкретную, узкую семантику ‘большая вода / река’ (в силу того что в древности предки удмуртов проживали на берегу крупной р. Белая). Бытование слова *кам* в таком значении в удмуртском языке до недавнего времени убедительно показано В. К. Кельмаковым, см. примеры, фиксируемые еще в начале XX в.: *Кама шуон кам* ‘(большая) река, называемая Камой’, *Ватка кам* ‘(большая) река Вятка’, ср. также названия менее крупных рек: *Вала ву* ‘река Вала’, *Калмез ву* ‘река Кильмезь’, *Чепца ву* ‘река Чепца’ (с. 17–19). Особенно показательны многочисленные фиксации этого слова в фольклоре южных удмуртов. Достоверность этой гипотезы подтверждается и свежим исследованием Я. Саарикиви, который на основе имеющихся историко-лингвистических данных локализует прародину пермян в Нижнем Прикамье, в области слияния Камы и Волги [Saarikivi, 2022, 45]. Это означает, что освоение пермянами Прикамья и более северных земель происходило с юга, а Нижнее и Среднее Прикамье (видимо, включая и часть бассейна р. Белая) являются автохтонной удмуртской территорией.

Полагаем, целям автора немало послужило бы обсуждение еще одной гипотезы, не упоминаемой Л. Е. Кирилловой и В. К. Кельмаковым. Это версия одного из ведущих специалистов по пермской топонимии, профессора Е. Н. Поляковой, изложенная в книге «Старинные названия на карте Перми» [Полякова, 2013, 22–39]. Мнение историка Пермского края А. А. Дмитриева и лингвиста А. С. Кривошековой-Гантман о том, что *Кама* восходит к коми-перм. *комму* ‘земля людей’, подтолкнуло Е. Н. Полякову связать гидроним *Кама* с хоронимом *Пермь*. В соответствии с современной гипотезой, которая поддерживается разными исследователями, название *Пермь* восходит к языку древней финноязычной веси: *Perä ta (taa)* ‘земля дальняя (задняя)’ [см. об этом, например: Полякова, 2007]. Аналогично мог быть образован хороним *Кам-ма* ‘земля, по которой протекает Кам (Большая река)’, метонимически перенесенный далее на реку. «Арабские источники X–XIV вв. пишут о народе *вису* (веси), жившем к северу

от Волжско-Камской Булгарии, на пути к *югре* (уграм), от которой вывозили меха в обмен на металлические изделия. Не исключено, что болгарские купцы к югре попадали по Каме и ее притокам» [Полякова, 2013, 38]. От болгар это слово мог воспринять народ весь, а от веси — русские [Там же, 38–39], хотя нам представляется сомнительным, что весь и болгары могли тесно общаться без посредства коми.

Безусловно, и эта гипотеза не является окончательной (вопросы вызывает в данном случае уже различие фонетической русификации тождественных по структуре образований — *Перь* с утратой финального гласного и *Кама* с его сохранением), но и она заслуживает более пристального внимания в связи с наблюдениями В. К. Кельмакова. Весьма показательно то, что в удмуртских народных и авторских текстах широко используется форма *кам / Кам* (в том числе в значении ‘море’, т. е. ‘(очень) большая вода’), в то время как форма *Кама* «нередко употребляется в описаниях местности и придает тексту определенный стиль книжности и русифицированности или является излюбленной в письменной речи отдельных писателей», «в народной же поэзии пока <...> не удалось его найти» (с. 38). Аналогично: *Төды Кам* ‘Белая Кама’ — это «излюбленное удмуртское сочетание» (с. 40), в то время как *Төды Кама* встретилось лишь единожды в авторском стихотворении (с. 43).

В этом ключе еще более убедительным предстает заключение В. К. Кельмакова о том, что исторически *Төды Кам* — наименование р. Белая, на берегах которой проживали предки современных удмуртов и в отношении которой такое наименование более чем уместно: воды р. Белая действительно более светлые. Они значительно отличаются по цвету от вод Камы, что особенно хорошо заметно в месте их слияния, где на некоторой протяженности русла потоки двух рек смыкаются, почти не смешиваясь. В отношении Камы *Төды* сохранилось лишь как поэтический эпитет (вспомним в связи с этим наше замечание о корреляции понятий «прозрачный» — «чистый» — «белый» — «священный (святой)») при «механическом» переносе онима с одной большой (и значимой для народа) реки на другую. Естественно при этом, что именно в последнее время в результате тесного контактирования с русскими древнее название крупной водной артерии оказалось способным замещаться русифицированной формой *Кама*, которая проникла к русским из языка иного (не удмуртского) народа.

Мы могли бы только приветствовать появление в будущем аналогичного скрупулезного исследования на обширном коми-пермяцком материале (авторском и фольклорном), которое должно поспособствовать поиску ответов на многие вопросы, поставленные в рецензируемом издании.

Таким образом, В. К. Кельмаков провел важное исследование — с привлечением широких материалов и на базе значительного количества источников. Наблюдения и выводы лингвиста представляют значительный интерес для ономатологии, в первую очередь для топонимистов, интересующихся именами

собственными Урала и Предуралья. Но результаты способны заинтересовать специалистов и из иных гуманитарных и собственно лингвистических областей — фольклористики, культурологии, лингвокультурологии, этимологии, а также неспециалистов, интересующихся удмуртским языком и культурой. Крайне значимым видится то, что представленный анализ служит косвенным подтверждением ранее выдвинутых гипотез, коррелирует с уже выдвинутыми топонимическими концепциями и наталкивает читателя на новые размышления.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск : Удмуртия, 1988.

Кириллова Л. Е. Река Кама в трудах исследователей // Пермистика XI : Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : материалы XI Междунар. симпозиума (Пермь, 30–31 марта 2006 г.) / отв. ред. Л. Г. Пономарева. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2006. С. 50–55.

Кириллова Л. Е. Географические термины в удмуртской топонимии. Ижевск : УдмФИЦ УрО РАН, 2020.

Лыткин В. И. Этноним *коми* и гидроним *Кама* // Этнография имен / отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М. : Наука, 1971. С. 254–258.

Полякова Е. Н. К истокам названия *Пермь* // Глагол. 2007. № 1. С. 3–8.

Полякова Е. Н. Старинные названия на карте Перми. Пермь : ПГНИУ, 2013.

Saarikivi J. The divergence of Proto-Uralic and its offspring. A descendent reconstruction // The Oxford Guide to the Uralic Languages / ed. by M. Bakró-Nagy et al. Oxford : Oxford Univ. Press, 2022. P. 28–58.

Рукопись поступила в редакцию 15.02.2022

СОКРАЩЕНИЯ

башк.	башкирский язык	тат.	татарский язык
коми-перм.	коми-пермяцкий язык	удм.	удмуртский язык

* * *

Боброва Мария Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент, старший научный сотрудник
отдела диалектной лексикографии
и лингвогеографии русского языка
Институт лингвистических исследований
РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Bobrova, Maria Vladimirovna

PhD, Associate Professor, Senior Research
Fellow
Department of Dialect Lexicography and
Linguistic Geography of the Russian Language
Institute for Linguistic Studies of the RAS
9, Tuchkov Ln., 199053 St Petersburg, Russia
Email: bomaripgu@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

Гайдамашко Роман Валентинович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9;

доцент Института народов Севера

Российский государственный

педагогический университет

им. А. И. Герцена

191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки,

48;

старший научный сотрудник лаборатории

«Лингвистические платформы»

Институт системного программирования

им. В. П. Иванникова РАН

109004, Москва, ул. А. Солженицына, 25

E-mail: gaidamashko@gmail.com

Gaidamashko, Roman Valentinovich

PhD, Senior Research Fellow

Department of Dialect Lexicography and

Linguistic Geography of the Russian Language

Institute for Linguistic Studies of the RAS

9, Tuchkov Ln., 199053 St Petersburg, Russia;

Associate Professor

Institute of the Peoples of the North

Herzen State Pedagogical University of Russia

48, Moika River Emb., 191186 St Petersburg,

Russia;

Senior Research Fellow

Linguistic Platforms Laboratory

Ivannikov Institute for System Programming

of the RAS

25, Alexander Solzhenitsyn St., 109004

Moscow, Russia

Email: gaidamashko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1676-3363>

Maria V. Bobrova*

Roman V. Gaidamashko**

*Institute for Linguistic Studies of the RAS

St Petersburg, Russia

**Institute for Linguistic Studies of the RAS

Herzen State Pedagogical University of Russia

St Petersburg, Russia

Ivannikov Institute for System Programming of the RAS

Moscow, Russia

**LINGUO-CULTURAL COMPONENT IN A FOLKLORE TOPONYM:
THE SEMANTICS OF ‘WHITE’
IN THE UDMURT NAMES OF THE KAMA RIVER**

Review of the book: Kelmakov, V. K. (2019). *Belaia Kama vpriam’li belaiia? (Udmurtskie nazvaniia reki Kamy v pis’mennykh istochnikakh): Preprint [Is the White Kama Really White? (Udmurt Names of the Kama River in Written Sources): Preprint]. Izhevsk: Udmurtskii universitet. 104 p.*

The review looks at the monograph *Is the White Kama Really White? (Udmurt Names of the Kama River in Written Sources)* by Valentin K. Kelmakov which is a many-faceted study of the entitled hydronym. The author provides information about its geographical position, considers etymological hypotheses for the origin of this proper name, explores the usage

of the word *kam* in the oldest meaning of ‘(big) river’ as the most probable etymon, substantiates that this archaic meaning is still preserved in various oral and written sources. The focus is on six variants of the name of the Kama River in Udmurt texts of various functional spheres: *Kam (Kama)*, *Kam (Kama) shur*, *Töd’y Kam (Kama)*. Based on historical and statistical data, linguistic and stylistic features of the name variants in the works of the Udmurts, the author concludes that there are two semantic layers in the name “White Kama”: 1) the retrospective, tied to the hydronym Belaya River — the historical homeland of the ancestors of the Udmurts; in this case, the element *kam* acts in the original meaning of ‘stream, river,’ and the component *Töd’y* ‘White’ — as a proper name; 2) the modern, according to which “white” is a poetic epithet of the Kama River. The study builds on massive folklore and significant comparative material, including foreign languages (Russian and German). However, there are also some deficiencies in terms of the style and structure, the ambiguity of the researcher’s goal, as well as the fact that the author overlooks the correlation between the concepts “white” — “clean, pure” — “sacred (holy, saint)”. Nevertheless, given the extensive evidence base, the author’s work must be complimented and commended for.

Key words: Udmurt language; toponymy; folklore studies; etymology; linguistic anthropology; Kama River

- Atamanov, M. G. (1988). *Udmurtskaia onomastika* [Udmurt Onomastics]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Kirillova, L. E. (2006). Reka Kama v trudakh issledovatelei [The Kama River in the Works of Researchers]. In L. G. Ponomareva (Ed.), *Permistika XI: Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami: materialy XI Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Dialects and History of Permian Languages in Interaction with Other Languages: Proceedings of the 11th International Symposium] (pp. 50–55). Perm: Perm State Pedagogical University.
- Kirillova, L. E. (2020). *Geograficheskie terminy v udmurtskoi toponimii* [Geographical Terms in Udmurt Toponymy]. Izhevsk: UdmFITS UrO RAN.
- Lytkin, V. I. (1971). Etnonim *komi* i gidronim *Kama* [Kama as an Ethnonym and a Hydronym]. In V. A. Nikonov, & G. G. Stratanovich (Eds.), *Etnografiia imen* [Ethnography of Names] (pp. 254–258). Moscow: Nauka.
- Polyakova, E. N. (2007). K istokam nazvaniia *Perm*’ [To the Origins of the Name *Perm*]. *Glagol*, 1, 3–8.
- Polyakova, E. N. (2013). *Starinnye nazvaniia na karte Permi* [Ancient Names of the Map of Perm]. Perm: PGNIU.
- Saarikivi, J. (2022). The Divergence of Proto-Uralic and its Offspring. A Descendent Reconstruction. In M. Bakró-Nagy et al. (Eds.), *The Oxford Guide to the Uralic Languages* (pp. 28–58). Oxford: Oxford University Press.

Received on 15 February 2022